

ЗАИМСТВОВАННАЯ ЛЕКСИКА КАК СРЕДСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ БОРИСА АКУНИНА)

Для любого языка характерно взаимодействие с другими языковыми системами, результатом которого становятся заимствования. В истории русского языка отмечались как периоды усиленного насыщения заимствованными словами, так и периоды борьбы с чужеродными элементами – за «чистоту» родной речи (достаточно вспомнить знаменитую полемику XIX века между «карамзинистами» и «шишковистами»). Попадая в новую языковую систему, заимствования проходят этапы адаптации, осваиваются в той или иной степени языком-реципиентом; они выполняют не только номинативную функцию, но и становятся средством художественной выразительности. В данной статье предпринята попытка представить изобразительные возможности заимствованной лексики в художественном тексте на материале прозы Бориса Акунина.

Творчество Бориса Акунина, включенное в критические дискуссии, привлекает внимание как литературоведов [4, 5, 6, 9], так и лингвистов [7], поскольку его романы – явление в литературе XX века – «проецируются на цитатно-стилистическую эпоху рубежа веков, для которой свойственно изменение функции эстетического приема при частом перемещении произведения из одного родо-видового регистра в другой, многочисленные жанровые трансформации, формирование нового дискурса [9, с. 194].

Рассматривая функции заимствованной лексики, мы обратились к прозе Акунина, к так называемому «фандоринскому циклу». Произведения автора (занимающегося переводами, владеющего несколькими иностранными языками) насыщено различными заимствованиями, однако особое внимание привлекают японизмы. Как известно, в отличие от заимствований из других языков (французского, английского, немецкого) процент адаптированных заимствований из японского весьма незначителен, количество японизмов

исчисляется десятками. В тематическом отношении они представляют номинативы из области спорта (*сумо, карате, дзюдо*), кулинарии (*суши, тофу, дайкон, сакэ*), рыболовства (*иваси, вата*), искусства (*танка, хайку*), бытовые названия (*татами, кимоно*) и некоторые другие. Однако в последнее время возрастающий интерес к культуре и истории Японии привел к увеличению числа японских слов, не зафиксированных пока еще ни одним словарем[5].

В текстах произведений Бориса Акунина японизмы выполняют различные функции. Прежде всего – *номинативную*, поскольку, если речь идет о Японии, называют предметы и понятия, которым нет эквивалентов в русском языке: «Японские агатовые **нэцкэ**, главную ценность, не тронули»[2, с.116]. (**Нецке** – миниатюрная скульптура, произведение декоративного прикладного искусства, представляющее собой небольшой резной брелок). «В гардеробе коллежского асессора имелось два японских наряда: белое **кимоно** с ткаными гербами... и черный облегающий наряд, какие носят **синоби**, мастера из класса профессиональных шпионов»[5, с.25]. (**Кимоно** – японская национальная одежда свободного покроя с цельнокроеными рукавами и широким поясом. **Синоби** – разведчик-диверсант, шпион, лазутчик и наемный убийца в средневековой Японии.)

Вторая и, на наш взгляд, основная функция заимствованной лексики в тексте Акунина – *создание национального колорита*, «приближение» читателя к языку и культуре страны. Отражение национальной языковой специфики реализуется через особую группу заимствованной лексики – варваризмы и их разновидность – экзотизмы (под экзотизмами понимаем заимствования из чужих языков, входящие в безэквивалентную лексику, обозначающие предмет или явление из жизни другого народа, в силу своей стойкой этнической ассоциации до конца не усваивающиеся языком-реципиентом). Характерно то, что автор, используя экзотизм, включает в текст пояснение, раскрывающее значение слова: «Решительно сжал ручку, обмакнул в чернильницу и стал медленно выводить буква за буквой – на сей раз не иероглифами и не латиницей, а **катаканой**, слоговой азбукой, которую Фандорин уже умел разбирать» [1, с. 85].(**Катакана** – одна из двух (наряду с хираганой)

графических форм японской слоговой азбуки – каны. Для катаканы характерны короткие прямые линии и острые углы. Современное использование сводится преимущественно к записи слов неазиатского происхождения. Распространено использование катаканы для записи названий животных и растений, а также в качестве стилистического приёма в художественных произведениях)[10].«*Стакая курума* [название главы]». (**Курума** – одноколка, повозка, которую везут трое людей).«*Эраст Петрович удивился, отчего это в коляску не запряжена лошадь. В голове на миг возникла фантастическая картина: чудо-повозка, несущаяся по улице сама по себе, с оглоблями, выставленными вперед наподобие алых щупальцев...Трое туземцев, весь гардероб которых состоял из обтягивающих панталон и скрученных жгутом полотенце на голове, дружно взялись за скобу, крикнули «хэй-хэй-тя!» и загрохотали по мостовой деревянными шлепанцами...– Привыкайте, – усмехнулся Доронин. – Иначе придется передвигаться пешком. Извозчиков здесь почти нет. А эти молодцы называются **дзинрикия**, или, как произносят европейцы, «рикиши»[11, с. 62 – 63]. Характерно, что в данном микротексте, кроме *курума*, представлены два японизма, являющиеся вариантами одной и той же лексемы, но отличающиеся степенью освоения: *рикиша* давно известен в русском языке и зафиксирован словарями, *дзинрикия*, выполняющий стилистическую функцию, входит в группу внелитературной лексики. При этом *рикиша* в дальнейшем также часто используется в тексте романа: «**Рикиша** не глядя шлепнул по плечу ладонью, и от прелестницы остался лишь пыльный серо-голубой комочек» [11, с. 62].*

Колорит произведения усиливают и вавваризмы, представляющие собой иногда целые фразы в транслитерационном написании: «Каюй! Щекотно! (яп.)»[11, с.62]; «Катару! Дарэ да? Дареокутта? < Говори! Кто такой? Кто прислал? (искаж. япон.) >; «Митта ка? < Видел? (япон.)>» [11, с.81].

А. Г. Самотик в контексте изучения внелитературной лексики (коей являются экзотизмы и варваризмы) отмечает использование экзотизмов в функции художественной детали, «что трансформирует значение на уровне текста в целом..., а с другой стороны функция художественной детали может

перерастать в символическую, концептообразующую (в «Алмазной колеснице»... – **конгодзё** ‘алмазная колесница’...), в текстообразующую (в «Алмазной колеснице» – **хокку** ‘жанр японской поэзии, состоящий из семнадцати слогов (5–7–5)’ положен в основу структуры первой части романа)»[7, с.10]. Говоря о лакунарности в словаре и в художественном тексте, он в качестве иллюстрации использует художественную ткань романа Б. Акунина «Алмазная колесница», в словнике которого «отсутствуют хорошо известные в русской культуре слова-символы, связанные с Японией (сакура, харакири)... Автор использует другие экзотизмы: **сэппука** и **сливовый дождь**: *У нас есть древняя, благородная традиция. Хочешь привлечь внимание властей и общества к какому-нибудь злодейству —сделай сэппуку. Живый человек резать себе живот не станет...* [1, с, 44]. *Пойдемте-како мне наквартиру. А то опятьэтотчертовс-сливовыйдождьполил*[1, с. 347] и т.д. (Ср.: *Зачемхаракири, не надахаракири, не по фрисчиански!* [1,с. 68])»[7, с.10]. В тексте нередки случаи, когда ужеизвестныйв языке японизм функционирует параллельно с внелитературным словом. Так, слово **синоби**(см. пример выше) употребляется вместо более известного в русском языке **ниндзя**, поскольку в различных регионах и префектурах Японии **ниндзя** были известны под совершенно разными названиями. Наиболее типичными выражениями, обозначавшими шпионов в те времена были "**кантё-но-моно (маваши-моно)**" и "**сагури-но-моно**", образованные от глаголов "**мавасу**" - "крутиться поблизости" и "сагуру" – "вынюхивать, следить". Сами же слова "**ниндзя**" и "**синоби**", которые являются всего лишь разными способами прочтения одного и того же понятия, применялись лишь внескольких провинциях [12]: «У **синоби** существовала собственная система фонетической письменности, для секретных корреспонденций» [1,с. 95].

Экзотизмы в прозе Акунина выполняют *функцию символов*. Ярким примером может служить слово **омурасаки**, что означает «бабочка». Слово появляется в тексте первой главы второго тома романа «Алмазная колесница», при этом текст построен таким образом, что заимствованное слово и русский эквивалент употребляются параллельно: «Бабочка **омурасаки** собралась

*перелететь с цветка на цветок. Осторожно развернула лазоревые, с белыми крапинками крылышки, поднялась в воздух – самую малость, но тут как нарочно налетел стремительный ветер, подхватил невесомое создание, подкинул высоко-высоко в небо и уж больше не выпустил, в считанные минуты вынес с холмов на равнину, в которой раскинулся город; покрутил пленницу над черепичными крышами туземных кварталов, погонял зигзагами над регулярной геометрией Сеттльмента, а потом швырнул в сторону моря, да и обессилел, стих...Вновь обретая свободу, **омурасаки** спустилась было к зеленой, похожей на луг поверхности, но вовремя разглядела обман и успела вспорхнуть прежде, чем до нее долетели прозрачные брызги...Там внимание **бабочки** привлекла толпа встречающих, сверху похожая на цветущую поляну»[11, с.59 – 60].Сцена с бабочкой глубоко символична, ее смысл становится до конца понятен лишь после прочтения всего романа, поскольку **омурасаки**– это прообраз о-Юми – героини романа, возлюбленной Фандорина, судьба которой напоминает яркий, но короткий полет бабочки.В тексте неоднократно подчеркивается связь о-Юми и бабочки: *Ноещера ньше он убьет меня.Ему будет легко это сделать – как мотылька прихлопнуть*[1, с. 414]. *За ними, придержививая створки, стояла О-Юми – с раскинутых рук свисали широкие рукава кимоно, от чего женщина была похожа на бабочку*[1,с. 430] и т.д.А. Г. Самотик подчеркивает аллегоричность образа бабочки: «Бабочка в данном сюжете аллегорична (для современного читателя, но не для изображаемого времени) популярной в России опере Дж. Пуччини «Мадам Баттерфляй (Бабочка)», или «Чио-Чио-Сан» (1904), героиня которой так же, как и О-Юми, была *конкубиной*– супругой по контракту» [7, с. 10] .*

Варваризмы в устах персонажей служат средством создания их речевой характеристики, выделяют на фоне окружения. Этот прием Акунин использует для создания образа Масы – верного слуги Фандорина: «– Позволю себе заметить, что, хоть **вакидзаси** очень недурен, вряд ли стоило портить из-за него одежду,– сказал японец»[3, с. 47]. Здесь обыкновенный кинжал называется героем **вакидзаси**. (**Вакидзаси**– короткий традиционный японский меч. В основном использовался самураями и носился на поясе). Как варваризмы

воспринимаются в речи Масы искаженные русские слова, произношение которых вызвано спецификой фонетической системы японского языка: «– Я не знал, что его нужно поймать, – стал оправдываться Маса. – Мы же приехали в Ба-Ку не для того, чтобы ловить *вориська*»[3, с. 47]. Таким образом, варваризмы выполняют в тексте *индивидуально-характерологическую функцию*.

Краткий анализ ряда заимствований из японского языка позволяет сделать вывод о том, что использование экзотизмов и варваризмов в художественном тексте не только представляет образ инонациональной речевой среды, но и стилизует произведение, создает идиостиль писателя.

Список использованной литературы

1. Акунин Б. Алмазная колесница: в 2 т. / Борис Акунин. – М.: Захаров, 2011. – 720 с.
2. Акунин Б. Нефритовые четки / Борис Акунин. – М.: Захаров, 2010. – 600 с.
3. Акунин Б. Черный город: роман / Борис Акунин; [худож. И. Сакуров]. – М.: Захаров, 2012. – 368 с.
4. Бобкова, Н. Г. Функции постмодернистского дискурса в детективных романах Бориса Акунина о Фандорине и Пелагии": дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Наталия Георгиевна Бобкова. – Улан-Удэ, 2010. – 189 с.
5. Габуллина А. Х. Лексические заимствования из японского языка в русский: когнитивно-прагматические особенности и процесс ассимиляции / А. Х. Габуллина // Вестник Челябинского государственного университета. - 2012. - №2 (256). Филология. Искусствоведение. Вып. 62. – С.12 – 16.
6. Ранчин А. Романы Б. Акунина и классическая традиция: повествование в четырех главах с предисловием, лирическим отступлением и эпилогом / А. Ранчин // Новое литературное обозрение. - 2004. - № 67. – Режим доступа к статье: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/67/ran14.html>.
7. Самотик А. Г. Словарив нелитературной лексики как разновидность авторских словарей (проблемы и решения) [Статья] / А. Г. Самотик. – Режим доступа к статье: <http://sun.tsu.ru/mminfo/2012/000432607/04/image/04-019.pdf>
8. Циплаков Г. Зло, возникающее в дороге, и дао Эраста / Г. Циплаков // Новый мир. - 2001. - №11. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2001/11/ciip.html
9. Черняк М. А. Массовая литература XX века: учеб. пособие / М. А. Черняк. – М.: Флинта : Наука, 2007. – 432 с.
10. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Катакана>

11. <http://book-online.com.ua/read.php?book=3324&page=78> Борис
акунин Алмазная колесница.

12. <http://mitsumono.ru/history/471-shinobiorninja>

Анотація

Стаття присвячена використанню запозиченої лексики, зокрема японізмів, у літературному творі (на матеріалі прози Бориса Акуніна), розглядаються типи запозичень, їх роль у художньому тексті.

Ключові слова: запозичена лексика, японізми, екзотизми, варваризми, художній текст.

Adnotacja

Artykuł poświęcony użyciu zapożyczonych leksyki, szczególności japonizmów, w dziele literackim (na materiale prozy Borysa Akunina), rozpatrują się rodzaje zapożyczeń, ich rola w artystycznym tekście.

Kluczowe słowa: zapożyczona leksyka, japonizmy, ekzotyzy, barbaryzmy, artystyczny tekst.

Annotation

The article deals with the use of the borrowed vocabulary in particular japaneses in literary text (on material of prose of Boris Akunin), types of borrowing and their role in literary text are examined.

Keywords: the adopted vocabulary, japaneses, exotics, barbarisms, literary text.